

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Узбранное

Александр Валентинович Амфитеатров Сергей Андреевич Муромцев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2785255

Аннотация

«Я не был поклонником С. А. Муромцева. Политический идеал его, выработанный наследием шестидесятих годов, кажется, при свете социалистических зорь XX века, узким, ограниченным и устарелым. В московском университете восьмидесятих годов я был слушателем Муромцева. Читал он дельно, но скучно, и огромный труд его, холодное и сухое «Гражданское право древнего Рима», – кирпич неудобоваримый. Вообще, Муромцев больше обаял аудиторию прекрасною, истинно римскою наружностью и таковою же выдержкою, чем римским правом. Уважали его очень и побаивались как строгого экзаменатора. Любви к нему – такой, как к А. И. Чупрову, М. М. Ковалевскому, В. О. Ключевскому, – не было...»

Содержание

Александр Валентинович Амфитеатров Сергей Андреевич Муромцев

Я не был поклонником С. А. Муромцева. Политический идеал его, выработанный наследием шестидесятых годов, кажется, при свете социалистических зорь XX века, узким, ограниченным и устарелым. В московском университете восьмидесятых годов я был слушателем Муромцева. Читал он дельно, но скучно, и огромный труд его, холодное и сухое «Гражданское право древнего Рима», – кирпич неудобоваримый. Вообще, Муромцев больше обаял аудиторию прекрасною, истинно римскою наружностью и таковою же выдержкою, чем римским правом. Уважали его очень и побаивались как строгого экзаменатора. Любви к нему – такой, как к А. И. Чупрову, М. М. Ковалевскому, В. О. Ключевскому, – не было.

Отчего же теперь так грустно было мне узнать о внезапной и сравнительно ранней смерти этого – с полным убеждением пишу это слово – замечательного человека? Отчего сами собою сказались слова:

– Какая огромная потеря! Еще силою меньше! Бедная

Россия! У счастливого недруги мрут, у несчастного друг умирает.

Личность ушла из русского мира. Сильная, большая, выдержанная, стройная личность. А ни личностями, ни выдержкою, ни стройностью, ни силою русский мир не богат, потому что не богат он основою личности – гражданским воспитанием. Ушел Муромцев, и в стане русской интеллигенции осталась широкая, трудно заполнимая брешь.

Муромцев не гений и не вечный человек. Но сотни тысяч головые похороны и похвал надгробный плач им вполне заслужены, и великолепно это, что так красиво и пышно свершился его погребальный триумф. И, если поставят ему общественный памятник, это будет тоже очень хорошо. Россия опустила в могилу верного и честного сына своего, который обладал даром, более редким в русском мире, чем талант и даже гений: ясною волею и твердым словом, которого не давши – крепись, а давши – держись.

«Ein Talent, doch kein Charakter»¹, – сказал когда-то поэт Платен, в угоду королю Людвигу Баварскому, о Генрихе Гейне. Последний перевернул эту характеристику в эпиграмму на Людвигу Баварского: «Kein Talent, doch ein Charakter»². Отбросив в сторону эпиграмматический тон Гейне, антитезу его можно до известной степени применить и к Муромцеву. Разумеется, было бы бессмысленною дерзостью наста-

¹ «Талант – еще не характер» (нем.)

² «Характер – еще не талант» (нем.)

ивать, будто Муромцев был «kein Talent», – у него, как юриста-научника, было дарование несомненное. А так как он был неутомимый работник, то дарование свое он растил последовательною эрудицией, и я не раз слышал от лиц весьма авторитетных, что в московский университет старик Муромцев вернулся лектором несравненно более ярким, сильным, влиятельным, чем ушел из него, молодой, в 1887 году. Но столь же несомненно, что таланты Муромцева оставались ниже уровня его громадного характера, и что в дни своего государственного служения, не талантами своими, но характером заслужил он общее уважение, и не в талантах его, а в характере нуждалась Россия. И он ответил на ее нужды и оказал ей именно те услуги, в которых она нуждалась. Пожалуй, можно так выразиться: его талантом был его характер.

Этот человек был истинный римлянин в политической системе своей. Он занимал свои позиции медленно, с осмотрительностью и осторожностью, но, однажды заняв, уже не уступал их никогда и никому. Враждебный натиск мог уничтожить его, но не отстранить и не попятить. Таков он был и председателем московского юридического общества, и редактором юридического журнала (громадная заслуга Муромцева, мало отмеченная в его некрологах!), и профессором, и проректором университета, и председателем первой Государственной думы. Во всех этих положениях он претерпел очередные «гражданские смерти»: погибло общество, закрыт был журнал, отнята профессура, распущена первая

Государственная дума. И всегда Муромцев спокойно смотрел надвигающейся смерти в глаза и шага не делал, чтобы ее насилие обошло его как-нибудь боком и мимо. Я в деле – я и в ответе! Это был истинный воин гражданственности и воин-богатырь! Весь скованный из дисциплины и чувства долга, этот благовоспитанный красавец-человек, с недвижным лицом мраморной статуи, был бы, вероятно, грозен и страшен застылым холодом своим наверху исполнительной власти, но нельзя было не любоваться им, как главою и сдерживающим началом законодательного учреждения, его защитником и стояльцем. Говоря языком старинных московских наказов, «держал он имя народного представителя *честно и грозно*» и выше этого имени не полагал ни звания, ни силы на земле. Даже скептиков как я, который в своем «Красном знамени» признавал и за первую Государственную думою политических возможностей не больше, чем дали дальнейшие, побеждала иногда эта совершенная стойкость человека, стоявшего, как маяк на утесе среди бурного людского моря, эта ровность и уверенность живой машины, знающей, что она-то уж не сойдет с рельсов, разве что рельсы из-под нее выдернут. Так, конечно, и случилось: машину нельзя было своротить, – так рельсы выдернули!

Какая редкость на Руси человек с характером, обнаружилось поразительною дружностью избрания С. А. Муромцева на пост председателя первой Государственной думы. Это всеми теперь отмечено. Президентом предполагавше-

гося парламента явился, действительно, единственный возможный избранник всего русского образованного общества, человек, намеченный гласом и перстом всей русской интеллигенции. У него не было ни соперников, ни конкурентов, – и не могло быть. Цельность Муромцева была так исключительна и заметна, что у него – можно сказать – от юности на лбу написано было: «Если в России будет парламент, то сей – президент парламента».

Сообщенный в газетах анекдот о пророческой шутке Муравьева, который, будучи студентом, себе предсказал пост министра юстиции, а Муромцеву – председателя палаты депутатов, чрезвычайно выразителен.

И еще более ярко характеризует Муромцева, что он, собственно говоря, был первым и покуда последним фактическим председателем Государственной думы: преемники его – не более как суррогаты, попадавшие в президиум, как раки на безрыбье, только потому, что не может же «парламент» оставаться без президента, нужен же «парламенту» какой-нибудь президент! Разница в индивидуальности гг. Головина, Хомякова и Гучкова несколько не спасли их от единства в роли «соломенных редакторов», ответственных за весьма сомнительный изустный журнал притворной и скандальной болтовни, издаваемой гг. Пуришкевичами, Марковыми и *tutti quanti*³ под титулом «Государственная дума», в каком им угодно тоне и направлении. Муромцев ушел, – и,

³ Иже с ними (*ит.*)

глядь, депутатов много, а в председатели выбрать некого. Талантов – сколько угодно, а характеров – ни одного, а политического воспитания – ни у кого.

– Ах, дьявол?! Да как же быть-то? Перед Европою неловко, чтобы без председателя. Ведь Европа-то думает, что у нас и впрямь парламент. Ну, идите хоть вы, Николай Алексеевич... Не с чего, так с бубен!

Муромцев был председателем потому, что это было его врожденное право и дело; его преемники – председатели потому, что авось не боги горшки обжигают. И нельзя не сознаться, что плачевно утешительный афоризм этот им удалось оправдать в совершенстве: и не божественность свою блистательно доказали, и деятельность российского представительства упростили именно до степени обжигания горшков.

Кадеты и кадетствующие либералы потеряли в Муромцеве громадную силу. У них есть люди гораздо талантливее, шире, ярче Муромцева (Максим Ковалевский; Родичев как оратор; Маклаков), много людей, равных ему образованием (Милюков) либо правовой ясностью и твердостью государственной теории (Гессен), но не стало среди них человека-устоя, человека-скалы, который с полным убеждением мог бы сознать: «Я – совесть партии. Я – ковчег ее идеала. Я – пробирный камень ее правды и ошибок».

А Муромцев мог, – и с полным нравственным правом. Это был носитель сверхчеловеческой порядочности, пред кото-

рою даже и очень хорошим людям, но – людям, становилось иногда немножко жутко.

Оглядываясь на тридцать лет общественной жизни Муромцева, я вижу его иногда в положении критическом, щекотливом, тяжелом, но никогда – в оскорбительном, недостойном, смешном. Его величественная поза была прирожденная и, в каких бы то ни было обстоятельствах, он, верный себе и неменяющийся, не мог быть «ridicule»⁴ – опасность, на краю которой стоит всякая сделанная поза. У всякого другого вышло бы комической наивностью, что человек ждал себе посмертного, так сказать, апофеоза и приготовил загробную благодарность на этот случай. Но к Муромцеву это идет, как аккорд, заключающий строгую симфонию жизни, как последний удар резца, завершающий мраморную статую. Человек исчез, но на пьедестале стоит мраморный полубог, сверхчеловечески уверенный, сознательный, прекрасный и – благосклонный к последователям своего неперменного будущего культа. Divus Sergius⁵.

Fezzano 4 ноября 1910

⁴ «смешным» (*фр.*)

⁵ Божественный Сергей (*лат.*)